

М. П. Мусоргский и «Могучая кучка».

Размышления о дружбе и разногласиях.

21 марта 2019 года исполнилось 180 лет одному из самых моих любимых композиторов всех времён – Модесту Петровичу Мусоргскому. Этот человек и его судьба заинтересовали меня ещё тогда, когда будучи ещё совсем маленькой девочкой, я сыграла несколько пьес из его «Картинок с выставки». Это были пьесы «Быдло» и «Старый замок». Что-то сильное и упрямое слышалось мне в картинке «Быдло», и что-то магически-туманное слышалось мне в «Старом замке». Вдобавок ко всему, в нашем классе висел и до сих пор висит последний прижизненный портрет М. П. Мусоргского кисти В. Серова. Он так взирал на нас свысока, что даже будучи детьми, мы пытались вдуматься, а что это за человек и какова его судьба?

А судьба композитора была очень не простой, противоречивой. Там были и дружба, и предательство, и разочарование в друзьях, и пагубные пристрастия и привычки, что, скорее всего, очень сильно сократило его жизнь.

У Модеста Петровича было много друзей, товарищей, приятелей – это следствие его общительного характера. Но значимая часть жизни прошла в кругу людей, которых объединил своей харизмой М. А. Балакирев.

Это содружество молодых музыкантов с лёгкой руки В. В. Стасова стало называться «Могучая кучка». Балакиревский кружок образовался в конце пятидесятых – начале шестидесятых годов 19 века в Петербурге.

Кружок Балакирева состоял вначале из полублюбителей. Профессиональным музыкантом при зарождении был лишь сам Балакирев. М. П. Мусоргский был офицером, Н. А. Римский – Корсаков – морским офицером, Ц. А. Кюи военным инженером, А. П. Бородин – доктором медицины и химии, В. В. Стасов – искусствоведам и публицистом.

Как же строились отношения между членами кружка и М. П. Мусоргским, была ли столь безоблачной эта дружба, которая у всех поначалу вызывала восхищение?

Первая встреча М. П. Мусоргского и А.П. Бородина произошла осенью 1856 года в дежурной комнате Военно-сухопутного госпиталя. Мусоргский был дежурным офицером, а Бородин проходил практику. Молодые люди сразу понравились друг другу, возникла взаимная симпатия, тем более было общее увлечение – музыка. При первой встрече Бородин отнёсся к «офицеру-меломану» с ласковой иронией.

Вторая их встреча состоялась в 1859 году у С.И. Ивановского, адъютанта профессора Академии и доктора Артиллерийского училища. «Признаюсь, заявление его (Мусоргского – авт.), что он хочет посвятить себя серьёзно музыке, сначала было встречено мною с недоверием... Но познакомившись с его «Скерцо», я призадумался: верить или не верить...».

Уже в 1859 году А. Бородин отметил смелость и новаторство музыкального языка М. П. Мусоргского: «...Я был ужасно изумлён небывалыми, новыми для меня элементами музыки».

Затем Мусоргский и Бородин встретятся уже как соратники кружка «Могучая кучка».

Тёплые отношения сохранялись у Мусоргского и Бородина до конца жизни Модеста Петровича. Бородин был потрясён ранней смертью своего друга. В 1881 году под впечатлением от такой утраты Александр Порфирьевич пишет романс в жанре элегии «Для берегов отчизны дальней» на слова А. С. Пушкина. Этот романс полон трагического чувства и мужественной скорби.

Вначале своего творческого пути М. П. Мусоргский знакомится с А.С. Даргомыжским. Творческое кредо композитора «Хочу, чтобы звук прямо выражал слово, хочу правды», - было очень близко Мусоргскому, поэтому он старался чаще бывать у Даргомыжского. Там он познакомился с М.А. Балакиревым и Ц. А. Кюи, а затем со Стасовым.

Знакомство с М. А. Балакиревым в 1857 году было судьбоносным для Мусоргского. Его поразило в Балакиреве всё: наружность, яркая игра, смелые мысли. Мусоргский просит Балакирева заниматься с ним. Очень скоро официальные занятия перешли в дружеские встречи. Мусоргский всецело поддался влиянию своего наставника, он усердно принялся за чтение и самообразование, усваивая новые, передовые взгляды на жизнь.

Но в конце 60-х годов намечается взаимное непонимание между Балакиревым и Мусоргским. Причина заключалась, очевидно в радикальности общественно-политических и эстетических убеждений Мусоргского, выделявших его из всего балакиревского кружка и придавших его творчеству черты глубокого своеобразия.

Балакирев также обладал очень своеобразным характером, который повлиял в конце концов на разрыв композиторского содружества. «В воспоминаниях балакиревских учеников разных поколений немало, и притом с полным основанием, говорится о его деспотизме, проявлявшемся подчас в мелочной опеке (вплоть до предписания тональностей сочинявшихся пьес, объёма тех или иных разделов и т.п.) и переходившем в нетерпимость ко всяким отклонениям от того, что нравилось самому Балакиреву» .

При оценке новых сочинений своих друзей, написанных без его вмешательства, Балакирев был часто несправедлив, а иногда не придавал новым произведениям должного значения. Например, величие оперы «Борис Годунов» Мусоргского Балакирев оценил спустя много лет после смерти автора. И даже тогда был твёрдо убеждён, что если бы «Борис Годунов» был сочинён под его руководством, то

оркестровка могла быть совсем другой. «Мусоргский, предоставленный самому себе, не мог сладить с инструментровкой».

Когда у Мусоргского стал определяться новый круг тем и музыкальных жанров, социально-обличительных, Балакирев просто прошёл мимо, не поняв и не оценив перемен.

Излишняя опека Балакирева подавляла Мусоргского, он становился более упрямым и уверенным в своих музыкальных позициях, а Балакирева огорчала его строптивость. Первая размолвка между ними произошла в 1861 году, которая дала трещину в их дружбе.

Более трагически сложились отношения Мусоргского с ещё одним «кучкистом» Цезарем Кюи.

Кюи считал себя идеологом «новой русской школы», единомышленником и другом Мусоргского. Но случилось одно событие, зачеркнувшее дружбу между этими людьми.

Кюи написал статью в «С.- Петербургских ведомостях» на десятый день после премьеры оперы «Борис Годунов». В этой статье он высказывается о полной незрелости оперы во всём, начиная от либретто. Кюи делает вывод, что незрелость оперы происходит от того, «что автор не довольно строго-критически относится к себе, от неразборчивого, самодовольного, спешного сочинительства...»

Статья Кюи была для Мусоргского как гром среди ясного неба, ведь до этого Кюи горячо приветствовал в 1873 году постановку трёх картин из «Бориса». Отношение Кюи поразило Кюи своей двуличностью. «Он метался от обиды, боли, негодования, возмущённый вероломным поступком друга». Так Мусоргский разочаровался и утратил ещё одного друга вслед за Балакиревым.

В 70-е годы Мусоргский сближается с Римским- Корсаковым. Осенью 1871 года они поселились в одной квартире. Они плодотворно работали в этот период, вплоть до весны 1872 года. Они обменивались мыслями и намерениями. Мусоргский сочинял «Бориса Годунова», Римский – Корсаков «Псковитянку». Быт их был размеренным, никто не мешал друг другу. Но потом Римский-Корсаков женился и съехал с квартиры. Постепенно друзья отдалялись и Мусоргский сильно переживал и порою сам чувствовал несправедливость своих резких обобщающих суждений о товарищах, особенно о Римском-Корсакове.

Единственным другом, кто в результате различных жизненных обстоятельств не отдалился от Мусоргского, был критик Владимир Васильевич Стасов. Мусоргский познакомился с ним у Балакирева. Нужно отметить, что своим разносторонним развитием и начитанностью Балакирев был в значительной степени обязан Стасову.

«Оказалось, что там, где бывал Стасов, всегда разгорались споры. У него на всё была своя, оригинальная, новая точка зрения; он не доверял никаким авторитетам и все вопросы стремился решать самостоятельно (как рассказывал он сам, ещё во время его детства одна из тётушек говаривала про него: «Этот Володя – критика рода человеческого»). Личность Стасова всё больше и больше интересовала и привлекала Мусоргского.

Стасов тонко чувствовал и понимал художественные произведения, обладал литературным талантом и своеобразно – яркой манерой письма.

В.В. Стасов стал верным другом Мусоргского, он всячески старался поддерживать композитора в его творческих начинаниях. Когда Мусоргский погрузился в сочинение «Бориса Годунова», Стасов помогал ему во всём, так как сам загорелся замыслом этой оперы-драмы. Вместе с Мусоргским Стасов изучал Карамзина и другие литературные источники, чтобы почерпнуть необходимые сведения о событиях эпохи и особенностях быта.

«Стасов был верным гидом Мусоргского в собирании историко-этнографических и литературных материалов для оперы, гордился этой ролью и даже ревновал к В. Никольскому, который также содействовал осуществлению замысла композитора вдумчивыми советами и указаниями. Он, как известно, подал Мусоргскому счастливую мысль завершить оперу народной Сценой под Кромами. «Настолько выиграло при этом заключение оперы в трагичности, потрясающей силе и грозном значении!» - воскликнул Стасов. И тут же добавил: «Признаюсь, я был в отчаянии и глубоко завидовал В. В. Никольскому, что он, а не я присоветовал Мусоргскому такую блестящую, такую великолепную идею».

Стасов много значил для Мусоргского, это был по-настоящему близкий по духу человек. «Я посвящаю Вам весь тот период жизни, когда будет создаваться «Хованщина» ...ей же начало Вами дано, - писал Мусоргский Стасову 15 июня 1872 года. Мусоргский также посвятил Стасову цикл «Картинки с выставки» - как знак признательности за участие и поддержку.

Таким образом, Мусоргский постепенно отдалялся от своих друзей-композиторов. Это было самое тяжёлое испытание его последних лет жизни. Его по-прежнему окружало много заботящихся о нём людей – В. Стасов, О. Петров, А. Молас, Д. Леонова, И. Горбунов, но все эти связи, «искренние и во многом плодотворные, не могли заменить утраченной дружбы с боевой когда-то когортой соратников».